

Оглавление

- Аникина Р.А. Именные формы на –ън(о) в Повести временных лет (корпусный и лингвотекстологический подход)
- Балкарова К. М. Некоторые особенности эволюции местоимения ТЪ по данным Никоновской летописи за XIV – XVI вв.
- Власова Е. А. Особенности структуры предложения косвенной речи в Киевской, Суздальской и Никоновской летописях
- Гашнева М. В. К вопросу о происхождении событийного настоящего исторического в русской литературной традиции (на материале летописей XV – XVI вв.).
- Горбовская Е. Н. Формы императива 3 лица в языке древнерусских памятников XII-XV вв.
- Громова М.М. Перевод инфинитивных конструкций во второй южнославянской редакции Жития Василия Нового
- Индыченко А. А. Об интерполяции из Песни Песней в составе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского от Луки
- Караваева П. Ю. Фонетика и лексика как средства характеристики извода церковнославянского языка в «Сказании о Борисе и Глебе»
- Комышкова А. Д. К вопросу о месте наречия среди именных частей речи древнерусского языка
- Королев П.С. История церковнославянского текста Деяний и Посланий Апостольских в эпоху книгопечатания
- Кортаева А.А. Членные формы в предикативной функции и их грамматическая семантика (на материале корпуса летописей – Лаврентьевского, Ипатьевского и Радзивиловского списков)
- Лебедева М. В. Лексико-семантические дублиеты лжкавьи – неприѣзнь в древнейших переводах славянской письменности
- Мраморнова О. Г. Сравнительный анализ форм перфекта и плюсквамперфекта в поздних обработках «Жития Василия Нового»
- Паймина О. С. Диалектные фонетические особенности как средство локализации памятника (на материале Троицкого сборника XII-XIII вв. (РГБ, Тр. 12))
- Панкова Е. Е. Причины смены типа письма в русских рукописях XIV-XV вв.
- Смирнова Ю. В. Проблема интерпретации пропуска ј и и на месте в среднерусских скорописных памятниках 1-й половины XVII в.
- Сухоручкин А. А. Иосифская редакция Часослова
- Фёдорова Е. В. Некоторые особенности перевода инфинитивных конструкций в Толковом Евангелии от Марка Феофилакта Болгарского (по материалам двух рукописей XVI в.)

**Именные формы на –ьн(о) в Повести временных лет
(корпусный и лингвотекстологический подход)**

Аникина Регина Александровна

Сотрудница Ижевского государственного технического университета, Ижевск, Россия

Несмотря на большое количество работ, посвященных общим и частным вопросам формирования и функционирования наречий в истории русского языка, проблема их происхождения и становления как особой грамматической определительной категории изучена до сих пор недостаточно полно. В частности, проблемным следует признать вопрос о словообразовательной базе этой части речи.

Известно, что самой многочисленной словообразовательной группой наречий в древнерусский период являются наречия на –о [Чурмаева: 84], которые соотносились как с именами прилагательными, так и с именами существительными.

Объект исследования в данной работе – качественные наречия на –ьн(о), которые являются прилагательными определителями, возникшими на базе имен с суффиксом –ьн-.

Материалом исследования послужил корпус русских летописей (http://manuscripts.ru/mns/portal_main?p1=23), содержащий «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) по трем разновременным спискам (Лаврентьевскому – ЛЛ, Ипатьевскому – ИП, Радзивиловскому – РЛ).

Исследование направлено на комплексное изучение наречий с применением корпусного и лингвотекстологического методов, что в свою очередь позволяет 1) проанализировать функционирование выбранных единиц с точки зрения а) их количественного соотношения между памятниками, б) синтаксической позиции в контексте; 2) выявить омонимичные друг другу формы наречий и формы других частей речи, а также переходные образования; 3) выявить и проанализировать примеры разночтений между списками.

Сплошная выборка всех имеющихся в списках прецедентов позволила выявить количество 1) собственно наречий, 2) имен в предикативной функции, 3) переходных образований.

В Лаврентьевском списке выявлено 482 формы на –о (4016 употреблений), из них 27 – формы на –ьн(о). Качественными наречиями являются лишь 20 форм, из них 3 формы могут выступать как в роли имени в функции предиката, так и в роли наречия (в зависимости от синтаксического окружения).

В Ипатьевском списке выявлено 484 формы на –о (4373 употребления), из них 32 формы – формы на –ьн(о). Качественными наречиями являются 20 форм, из них 2 формы могут употребляться как в качестве наречия, так и в качестве имени в предикативной функции.

В Радзивиловской летописи зафиксировано 484 форм на –о (4385 употреблений), из них 25 форм на –ьн(о), из которых качественными наречиями являются 16 форм. Одна форма может употребляться также в качестве имени в предикативной функции.

Наиболее частотны случаи употребления наречий *дивьно* (ЛЛ – 2х, РЛ – 3х, ИП – 3х), *мирьно* (ЛЛ – 4х, РЛ – 3х, ИП – 2х), *прильжно* (ЛЛ – 2х, РЛ – 3х, ИП – 4х).

Анализ контекстов показал, что наречие *мирьно* употребляется только в словосочетаниях с глаголами пребывания (9х) (и *мирьно* пребывати в совокуплении и въ здравьи (ИП, 52.2); и начаста житии *мирно* и в братолюбии (ИП, 56.1). Во всех остальных случаях (3х) форма *мирьно* в словосочетании с формой прошедшего времени глагола *быти* выступает в качестве переходного образования, наличие которого обусловлено разрушением древнего синкретичного имени (и прогна Печенегы в поле и быс *мирно* (ИП, 26.2).

Говоря об омонимии форм, следует отметить, что форма *дивьно* чаще употребляются в составном именном сказуемом в предикативной функции: *дивно* есть колико добра сотворил (РЛ, 73.2).

Следует отметить показательные примеры, где наречия на *-ьн(о)* выступают как приглагольные определители, закрепившиеся в конкретном синтаксическом окружении: *хранити достоино* страсотерпца хрестова (ИП, 52.1); *яко мощно* зрѣти им (ИП, 98.1); *яко мощно* видѣти человеком (РЛ, 154.2).

Анализ показывает, что формы на *-о* могли выступать как в функции обстоятельства, так и в предикативной функции. Активизация той или иной синтаксической функции формы на *-о* происходит в зависимости от синтаксического окружения [Баранов: 206].

Выявив количественное соотношение употребления форм на *-о* между списками, следует констатировать факт активизации форм на *-о* от списка к списку (ЛЛ – 4016, ИП – 4373, РЛ – 4385).

Проанализировав соответствующие друг другу фрагменты, необходимо отметить случаи разночтений в аналогичных контекстах списков. Так, наречие *прильжно* в ЛЛ имеет финаль *ѣ*, а в РЛ – *о*, ср.: *аще дѣвоческъ поль то въздоать прильжнѣ* (ЛЛ, 6.1), *аще ли девческъ поль то въздоать и прильжно* (РЛ, 7.2).

Наличие разночтений и характер мен свидетельствует о снижении активности функционирования наречных форм на *-ѣ* и активности формирования форм на *-о*.

Таким образом, количественные данные и примеры функционирования наречий на *-ьн(о)* в летописном тексте свидетельствуют о продолжающемся процессе формирования качественных наречий и увеличение словника приглагольных определителей формами на *-о* в период с XIV по XVI вв. В свою очередь, основополагающим фактором закрепления за образованиями на *-о* функции обстоятельства является синтаксическое окружение.

Работа выполняется при поддержке Федерального агентства по образованию РФ, проект № 2.1.3/2987.

Литература

Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань, 2003.

Ипатьевская летопись: «Повесть временных лет» по Ипатьевскому списку летописи // «Манускрипт: Славянское письменное наследие»: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080.

Лаврентьевская летопись: «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи // «Манускрипт: Славянское письменное наследие»: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902.

Радзивилловская летопись: «Повесть временных лет» по Ипатьевскому списку летописи // «Манускрипт: Славянское письменное наследие»: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43296853.

Чурмаева Н.В. История наречий в русском языке. М., 1989.

Некоторые особенности эволюции местоимения *тъ* по данным Никоновской летописи за XIV–XVI вв.

Балкарова Ксения Михайловна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

В рамках исследования истории парадигмы и особенностей функционирования местоимения *тъ* в диалектной зоне Центра в XIV–XVI вв. нами изучена часть московской Никоновской летописи за указанный период (далее – НЛ, исследована по изд.: Полное собрание русских летописей; тт. 11-13). Анализ полученных данных позволяет выявить некоторые общие тенденции в эволюции данного местоимения, нашедшие отражение в НЛ. Противопоставленными оказались прежде всего показания части НЛ за XVI в. // части за XIV-XV вв., поэтому далее мы сопоставляем объединенные данные XIV-XV вв. с данными XVI в.

В целом парадигма местоимения **тъ** в XVI в. содержит гораздо меньше вариантов и демонстрирует практически полную унификацию склонения во множественном числе. Следующие три пункта представляются наиболее интересными и показательными в отношении изменений в склонении местоимения **тъ** в XVI в. сравнительно с XIV-XV вв.

1. **И. п. и в. п. (неодуш.) ед.ч. м.р.** К XVI в. в НЛ остается два варианта данных форм: **тои** и **тогъ**. Исчезает форма **то**, еще встречавшаяся в записях XV в.: *кто будет тебѣ, великому князю, другъ, то и мнѣ, царю, другъ, а кто тебѣ недругъ, то и мнѣ недругъ*. 1475. [НЛ, т.12: 157] Значительно сокращается отрыв формы **тогъ** от формы **тои** по числу примеров: соотношение 29 / 107, характеризующее XIV-XV вв., сменяется соотношением 11 / 13. Кроме того, все контексты с формой **тои** стали маркированно книжными: *государю нашему тоу [Бог] и пособъствуетъ на нихъ, 1552 г.* [НЛ 13: 177], ср. столь же книжные контексты с В.ед.:...*да никтоже мнитъ малъ быти тоу грѣхъ гордость...1552 г.* [НЛ 13: 194]. **Тои** фактически перестает употребляться в ситуациях «порождения речи» – лишь в клишированных конструкциях. Таким образом, форма **тои** употребляется в летописи как специфическая книжная форма, в то время как характерная для говоров Центра форма **тогъ** начинает все активнее проникать в летописный текст.

2. **Р. п. ж. р. ед. ч.** На протяжении всей части НЛ за XIV-XVI вв. преобладает церковнославянская форма **тоя**, которой численно уступает древнерусская форма **тоѣ** (тое). Интерес представляет увеличение числа форм **тои** в Р.ед.: от одного (причем, не вполне надежного) примера в XIV в. до 5 примеров в XVI в.: *Тогда же убо тои ноци мужъ нѣкий... иже бысть некогда разбойникъ 1380 г.* [НЛ, т.11: 58]; *И не бѣ великому государю отъ болѣзни тоу облегченія 1533 г.* [НЛ, т.13: 75]. Пример с **тои ноци** вызывает некоторые сомнения, т.к. форма **тои** может быть как темпоральным Р.п., так и М.п., однако скорее в пользу Р.п. говорит наличие примеров типа: *Греки же тоя ноци уготовиша башту велію противу того мѣста. 1453 г.* [НЛ 12: 157]. В московских грамотах форма **тои** фиксируется лишь с XV в. [Хабургаев: 242] (в отличие от северо-западных документов, где, по данным А.А. Зализняка, она отмечается уже в раннедревнерусскую эпоху), причем она остается малоупотребительной в деловом языке Москвы вплоть до XVII в. [Петухова]. Вероятно, появление формы **тои** в НЛ отражает ее распространение в московском говоре.

3. **Вин. п. ед. ч. ж. р.** В НЛ за XIV-XV вв. представлено четыре варианта форм В. п. ед. ч. ж.р.: **ту** (48 примеров), **тую** (4 примера), **тоѣ** (2 примера), **тоя** (1). В НЛ за XVI в. остаются формы **ту** (9 примеров), **тую** (3) и **тоѣ** (2). Интересно, что только в этом пункте (помимо И.-В. п. ед. ч. м. р.) сохраняется членная форма (**тую**), причем в XVI в. она встречается даже не только в книжных контекстах. Ср.: *И за тую вражду поимаша князя Ивана Бѣльскаго и посадиша его на княже Феодоровскомъ дворѣ 1539 г.*[НЛ 13: 126]. Особое внимание привлекают формы **тоѣ / тоя**: *и князя Михаила Глинскаго велѣлъ поимати же и посадити въ полату, въ тоѣ же, въ которой преже того сидѣлъ 1534 г.*[НЛ 13: 83]; *Зустунья же, нарядивъ пушку свою, удари въ тоя пушку 1453 г.* [НЛ 12: 86]. Данные формы развились вследствие действия общих тенденций для местоимений-субстантивов – так же, как форма **ее** [Шахматов: 361], [Хабургаев: 244], по поводу происхождения которой существуют разные гипотезы (например, [Кузнецов: 133], [Хабургаев: 242]). Формы **тоѣ**, **самое**, **одноѣ** известны в говорах Центра, в том числе и в подмосковных [Шахматов: 361], встречаются они и в просторечии XIX в.: «Кого ж подстерегли? **Тоѣ** ж лису-злодейку!» – И. Крылов [Горшкова, Хабургаев: 262]. Примеры с формой **тоя** в В. п. ед. ч. в памятниках ранее описаны не были – по всей видимости, они являются книжным соответствием этих диалектных форм **тоѣ** в В. п. ед. ч.

Таким образом, исследование НЛ показало, что членные формы местоимения **тъ** со временем становятся все более книжными и уступают утверждающимся в московском

говоре субстантивным вариантам (как в случае с формами **тои** и **тоть**, **тую** и **ту**). Летопись также отражает развитие новых форм местоимения **тъ**: формы **тои** в Р.ед. ж.р. и формы **тоє** (и ее книжного соответствия **тоя**) в В. п. ед. ч. ж.р. Как мы видим, НЛ содержит материал, отражающий как черты книжного языка, так и изменения в живом языке Москвы XIV-XVI вв.

Литература

- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
Петухова Е. Н. Склонение указательных местоимений **тъ**, **та**, **то** в памятниках XIV–XVI вв. // Ученые записки ИГПУ, кафедра русского языка. Иркутск, 1958. Вып. 14. С. 15-28.
Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1990.
Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Особенности структуры предложения косвенной речи в Киевской, Суздальской и Никоновской летописях

Власова Екатерина Александровна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Данная работа является частью более широкого исследования способов передачи чужой речи в древнерусских летописях. В качестве ранних источников выбраны Киевская летопись XII в. (далее КЛ) и Суздальская летопись XII-нач. XIV в. (СЛ), в качестве более позднего – статьи Никоновской летописи за XV-XVI вв. (НЛ). Все источники исследованы по изданию [ПСЛ].

В ранних летописях глаголы со значением ‘сказать’ (*рече*, *глаголати*) используются только для ввода прямой, а не косвенной речи, см.: [Шевелева: 149]. В качестве опорных предикатов главной части предложения косвенной речи чаще всего употребляется существительное *въсть* (КЛ – 45 примеров, СЛ – 9) и однокоренной с ним глагол *повѣдати* (КЛ – 16, СЛ – 2). Встречается также глагол *сказати* / *казати* со значением ‘рассказать’ и некоторые другие глаголы – *каяти*, *жаловати*, *поминати* и др.

В НЛ XV-XVI вв. в составе и употреблении глаголов речи обнаруживаются следующие изменения. Наиболее употребительными становятся т. н. «новые» глаголы речи – *говорити*, *сказати*, *сказывати*, *бити челомъ*, *приказывати* (в значении ‘сообщать’ и в значении ‘велеть’). На каждый из них приходится в среднем около 70 примеров. Наряду с ними при вводе косвенной речи в НЛ употребляется и существительное *въсть* (60 примеров). В ранних летописях некоторые из «новых» глаголов речи (*говорити*, *приказывати*) при вводе чужой речи вообще не зафиксированы.

«Новые» глаголы речи могут вводить как прямую, так и косвенную речь, ср.: *и послы говорили: намъ о томъ наказъ не былъ, о которомъ насъ дѣлтъ ко государю послали*, 1531–1532 гг. (НЛ: 56); *а говорятъ въ Крыму, что царь хочетъ итти на великого князя*, 1541 г. (НЛ: 137).

«Архаичные» глаголы речи *речи* и *глаголати*, употреблявшиеся в ранних летописях только при прямой речи, в НЛ в ряде примеров вводят и косвенную речь: *да не рекут люди, что царь приходилъ на Русскую землю, а Руси не учинилъ ничего*, 1536-1541 гг. (НЛ: 112); *глаголютъ же, яко то прѣваа церковь на Москвѣ*, 1461–1462 гг. (НЛ: 114).

Таким образом, в НЛ XV-XVI вв. состав глаголов, используемых для ввода косвенной речи, значительно шире, чем в ранних летописях. Этот вывод подтверждает предположение, высказанное в работе [Шевелева: 171]: формирование косвенной речи идет по пути расширения числа лексем, выступающих в качестве опорного предиката главной части. Если в ранних летописях оно возможно при глаголах восприятия-получения знания *слышати*, *видѣти*, существительном *въсть* и глаголах с семантикой

«рассказать» (tell), то в летописи XVI в. косвенная речь может вводиться и глаголами речи со значением «сказать» (say).

Другой особенностью «новых» глаголов речи *говорити*, *сказати* и *сказывати* является то, что в НЛ они могут употребляться в качестве вводных слов в составе развернутой косвенной речи: *И Иванъ и Богданъ и Татаринъ Байбера царю и великому князю сказывали, что у царя у Крымского на бою царя и великого князя воеводы бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ съ товарищи побилъ многихъ лутшихъ людей, князеи и мурзь и ближнихъ людей; и безчестіе царю и убытки, сказываетъ, в томъ, что кошь у него взяли, тѣ лошади на украину и увели, а на бою съ нимъ Русскіе немногіе люди билися и побили у него многихъ людей*, 1556 г. (НЛ: 261).

В КЛ и СЛ употребление глаголов речи в качестве вводных в придаточной части косвенной речи не отмечено.

В современном русском языке не все вводные слова могут свободно употребляться в придаточной части косвенной речи – это касается эгоцентрических слов, содержащих оценку сообщаемого факта (*к счастью*, *на беду* и под.) [Падучева: 311, 319, 341]. В ранних летописях примеров с вводными словами в косвенной речи вообще не зафиксировано, в то время как в НЛ XV-XVI вв. встречается около 20 случаев, в которых в придаточной части предложения косвенной речи употребляется выражение *дать Богъ / дать Богъ*, являющееся первичным эгоцентриком – оно несет положительную оценку сообщения говорящим, например: *И по цареву и государеву вельнїю и по приговору околничей Алексїи и діакъ Иванъ приговорили на томъ, что царю и государю великому князю послати Дербыша-царя на Астороханъ... и нѣчто, дать Богъ, възмутъ Астороханьскои юртъ и царевымъ и великого князя воеводамъ посадить на Астороханъ царя Дербыша, а Исмаилю сына или племянника*, 1554 г. (НЛ: 235).

Как отмечает Е.В. Падучева, использование вводных слов – первичных эгоцентриков в придаточном предложении не всегда приводит к грамматической аномалии. Их появление в зависимом контексте возможно при условии, что этот оборот выступает в синтаксической интерпретации, т. е. ориентирован на точку зрения говорящего, а не повествователя [Падучева: 319]. Как мы видим, в НЛ XV-XVI вв. в придаточном косвенной речи в синтаксическом режиме употребляются не только временные формы, но и вводные слова, чего в ранних летописях не встречается.

Таким образом, сравнение косвенной речи в СЛ, КЛ и НЛ показало, что в структуре изъяснительного предложения к XVI в. произошли следующие изменения:

- 1) Расширился состав предикатов опорной части;
- 2) Глагол речи может теперь употребляться в качестве вводного слова внутри придаточной части;
- 3) В придаточной части появляются слова субъективной модальности, отражающие точку зрения персонажа.

Литература

[ПСЛ] – Полное собрание русских летописей. М., 1998–2001. Т. I, II, XII, XIII.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.

Шевелева М.Н. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144–174.

К вопросу о происхождении событийного настоящего исторического в русской литературной традиции (на материале летописей XV-XVI вв.)

Гашнева Мария Валерьевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Известно, что в современном литературном языке в настоящем историческом конкретном единичного действия употребляются только формы НСВ – для обозначения

как одновременно протекающих действий (т. е. в процессном значении, в терминологии А.В. Бондарко – настоящее историческое «живого непосредственного рассказа»), так и действий, последовательно сменяющих друг друга (т. е. в событийном значении) [Бондарко: 144; Горбунова: 251], ср.: *Такой случай. Я в Александрии гулял; а тут какой-то арабочнок продает крокодила* (Герцен. Былое и думы); *После полудня к хозяину приезжает очень высокий и очень толстый мужик... «Вы из России?» – спрашивает он меня* (Чехов. Из Сибири) [Бондарко: 147 – 148].

В раннедревнерусских текстах настоящее историческое встречается крайне редко, причем формы НСВ употребляются только в процессном значении [Горбунова: 251]. Событийное настоящее историческое от глаголов НСВ начинает активно употребляться в памятниках лишь со вторым южнославянским влиянием, став в дальнейшем одним из элементов стиля «плетения словес». При этом использование процессного настоящего исторического для стандартных церковнославянских текстов никогда не было характерно и отмечается лишь в памятниках гибридного регистра [Шевелева: 86 – 105].

Целью данного исследования является более подробное рассмотрение особенностей употребления двух типов настоящего исторического в летописях XV-XVI вв.: московской Никоновской летописи в части за XV-XVI вв. (далее – НЛ), и севернорусской Холмогорской летописи (далее – ХЛ).

Статистически данные по обеим летописям представлены в таблице:

	Типы значений форм настоящего исторического от основ НСВ			
	Процессное			Событийное
	Неограниченно-кратное	Постоянно-непрерывное	Конкретно-процессное	
НЛ	21	9	2	152
ХЛ	8	7	1	15

В ХЛ количество примеров с событийным и процессным значением практически одинаково. Однако из 15 случаев употребления форм презенса НСВ с событийным значением 14 примеров встретилось во вставных эпизодах, контекстах книжного характера или в составе устойчивых текстовых блоков, например: *Малу же времени минушу пресвященный архиепископ Генадие присылает к державному митрополиту Зосиме и приносятся многая истинная свидетельства на новгородских еретиков, елици бяху в Новеграде и елици бяху на Москву прибегоша* [ХЛ, 1491 г.].

В основном же тексте летописи, по типу языка значительно отличающемся от вставных эпизодов, отмечены только формы с процессным значением, ср.: *а тѣ зборщики ис казны же оброчилъ своимъ жалованіемъ, которые казну цареви збирають; и послѣ тѣхъ зборщиковъ обыскиваетъ по приказу ли царскому збирають, а для того, чтобы царство его не оскудѣло. А войско царское съ коня не сѣдаетъ николиже, и оружія из рукъ не пускаютъ* [ХЛ, 1453 г.].

В НЛ формы событийного настоящего исторического НСВ количественно существенно превосходят формы с процессным значением, однако 135 примеров из представленных также встретились в составе вставных эпизодов высокой степени книжности или формульных конструкциях. В основном же тексте летописи отмечено лишь 9 примеров, и все они входят в состав летописных формул, тогда как в остальных случаях отмечаются только формы с процессным значением.

Особого внимания заслуживают случаи употребления форм настоящего исторического в конкретно-процессном значении (т. е. «живого, непосредственного рассказа»), например: *И люди великаго князя многіе ис полковъ погониша, <...> и пришли на Нѣмецкіе полки; а Нѣмцы стоятъ полки въоружены и великаго князя людей немногихъ избияша, которые пришли изрывкою, а сами отстоялися, потому что у великаго князя воеводъ полки изрушались* [НЛ, 1502 г.].

По наблюдениям исследователей, такие формы известны в ранних летописях [Горбунова: 281] и в оригинальных древнерусских памятниках других жанров, ср.: *кони ржоуть на москвѣ. бубны бьють на коломнѣ. трубы трубятъ в серпоуховѣ. Звенить слава по всеи земли русьской. чюдьно стязи стоять оу доноу великого. пашоутся хоригови берчати. свѣтять ся калантыри зачены. звонять колоколи вѣчнии в великом новьгородѣ* («Задонщина», цитируется по [Шевелева: 91-92]).

Контекст из НЛ, безусловно, более «нейтрален», чем аналогичный пример из «Задонщины», однако элемент экспрессивного подчеркивания действия, выраженного формой презенса НСВ, в нем явно присутствует, что позволяет рассматривать эту форму как стилистический прием, восходящий, по-видимому, к фольклорной традиции.

Таким образом, обнаруживается, что в рассмотренных летописях практически все формы встретились во вставных эпизодах высокой степени книжности или в конструкциях формульного характера, тогда как в составе основного текста летописи настоящее историческое НСВ еще представлено немногочисленными примерами и только в процессном значении. Характер контекстов, в которых отмечены формы Praesens Historicum НСВ в событийном значении, указывает на то, что такое употребление, изначально возникшее как факт книжной традиции, к XV в. уже достаточно широко распространяется и в летописном нарративе, однако еще явно воспринимается как маркированно книжное.

Литература

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

Горбунова Е.А. Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI-XV вв. // *Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli (Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione Slavistica)*. 1997-1998. С.247-285.

Шевелева М.Н. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XV-XVI вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Формы императива 3 лица в языке древнерусских памятников XII–XV вв.

Горбовская Елизавета Николаевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Исследование выполнено на материале следующих деловых, бытовых и летописных текстов: Русская Правда по Новгородской Кормчей (ПР), Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей с 1339 по 1445 гг. (ДДГ), Новгородская первая летопись старшего извода (НПЛ), Новгородские берестяные грамоты (НБГ, при анализе использовалось исследование [Зализняк]).

Исследование употребления древнерусского императива требует разграничения омонимичных форм 2 и 3 л. Эта омонимия дает некоторым исследователям основания вообще отрицать существование форм 3 л. императива в древнерусском языке [Кузьмина: 90-94, 106-108]. Однако материал изученных памятников говорит об обратном.

Для корректного определения формы лица императива нами использовался следующий главный критерий: субъект действия, выраженного императивом 3 л., – «лицо, не участвующее в речевом акте». [Храковский, Володин: 18]. Исходя из этого, можно предложить следующие правила разграничения форм императива 2 и 3 л.:

1) Если субъект выражен местоимением с семантикой 3 л. или не выражен (безличное предложение), то данная форма – императив 3 л.: *а тѣх бортников, или садовников, или псарей, ...не всхочет жыти на тѣх землях, инь, земли лишон, поиди прочь* (ДДГ, № 17, ок. 1401–1402); *и они рекоша: «тако буди»* (НПЛ, л. 104 об.). Если субъект выражен местоимением 2 л., то данная форма – императив 2 л.: *А ты, сынъ мой,*

князь Василей, чти мать и слушаи свое матери в мое мѣсто своего отца (ДДГ, № 22, 1423 г.).

2) Если субъект выражен существительным, то форма императива определяется исходя из того, участвует ли субъект в речевом акте: 3 лицо – *от Носъка къ Мѣстятѣ... соужьдалъць Ходоутиничъ възьми довѣ гривнѣ на намъ 'От Носка к Местяте... Суздалец Ходоутинич пусть возьмет две гривны в качестве процентов'* (НГБ, Свинцовая грамота 1 [Зализняк: 261]).

При этом употребление существительного в форме Зв./И. падежа не может служить критерием, так как Зв. в древнерусском языке рано утрачивается, и И. рано может выступать в функции Зв.: *господине, князь велики Василей Васильевич... целуи к нам крестъ* (ДДГ, № 41, 1445 г.). Исключением являются случаи, когда субъект выражен лексемами *богъ* и *господь* (так как подобные примеры обычно заимствованы из церковнославянских текстов, в которых Зв. и И.п. не смешиваются), а также берестяные грамоты, в которых Зв. всегда употребляется правильно [Зализняк: 95, 105, 112, 114]: 3 л.: *покои богъ душою его...* (НПЛ, л. 113); 2 л.: *брате господине, попецалоуи о моем орудье Коснятиноу 'господин брат, вступишь за меня перед Коснятином в моем деле'* (НГБ, 531 [Зализняк: 417]).

Таким образом, формы императива 3 л. в данных памятниках употребляются, хотя и гораздо реже, чем формы 2 л. При этом везде, кроме берестяных грамот, они встречаются, как правило, в составе устойчивых формул (клише деловых документов или формул, заимствованных из церковнославянских текстов): *а кто сю мою грамоту порушит, судит ему богъ, а не буди на немъ моего благословенья...* (ДДГ, № 21, ок. 1417 г.); *а даи богъ ему въ спасение молитвами Святыхъ 40* (НПЛ, л. 77).

Что касается семантики, то в данных памятниках формы 3 л. императива, как правило, употребляются в прямом значении волеизъявления: *а котории сынъ мои не иметь жити по моему благословенью, не буди на немъ въпрок моего благословенья* (ДДГ, № 29, 1433 г.), а также в переносном значении пожелания: *хою поискати Галиця, а вась не забуду; даи богъ леци у отца у святѣи Софии* (НПЛ, л. 88 об.). Есть единичные случаи использования императива 3 л. в переносных значениях: в условно-уступительном: *а за кормица 12 грив(не) и за кормилицю, хотя си боуди холопъ или роба 'будь [он или она] холоп или раба'* (ПР, л. 616 об.) [Соболевский: 254-255]; в предположительном: *запла[ти] Стѣпаньцю к[ъ] Ро[ждеств]ѣ. н[е] за[пла]тиши – а на отроке [о] д[ъ]во[е] то[го] бѣди 'Заплати Степанцу к Рождеству. Не заплатишь – [потеря] на отроке (т. е. при взыскании долга через отрока) раза в два больше, пожалуй, будет'* НГБ, 241 (кон. XI – 1 треть XII в.).

Итак, формы императива 3 л. встречаются в изученных памятниках, хотя случаев их свободного употребления не так уж много – преобладает употребление в составе клише, которые могли сохранить реликты древних форм. Однако все примеры из НГБ, а также два примера из ДДГ и ПР характеризуются свободным употреблением императива 3 л., при этом в качестве субъекта действия выступает конкретное физическое лицо: *от Петра гр[а](мот)а къ Вльчькови. то еси ты повѣдалъ къ Рожънѣтови на Нустуе емати в срочька. ни векшею не длѣжънѣ [Нустуй]. а ныне оу Даньши заялъ есмь въ срочька въ е-ть. срочькъ. а емли на немъ Даньша 'Грамота от Петра к Волчку. Это ты сказал Рожнету, что с Нустуя надлежит взять два сорочка. Не должен ни векши (Нустуй). А потом я у Даньши забрал (или: занял) два [и] два сорочка в счет (или: под отдачу) пяти сорочков. И взымает с него (вероятно, Нустуя) пусть Даньша'* (НГБ, 336 [Зализняк: 284]). Наличие таких примеров дает возможность говорить о реальном существовании форм 3 л. императива в живом языке XII-XV вв., употреблявшихся как в прямых, так и в переносных значениях.

Литература

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Кузьмина И.Б. Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI-XVII вв. // Труды института языкознания. М., 1954. Т. V. С. 81-138.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 2005.

Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. М., 2001.

Перевод инфинитивных конструкций во второй южнославянской редакции Жития Василия Нового

Громова Мария Михайловна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

Славянский текст Жития Василия Нового существует в нескольких редакциях.

Первый перевод является переводом первой греческой редакции, возникшей во второй половине X в. в Константинополе [Вилинский: 72-77]. Он сделан, по всей вероятности, в конце XI в. в Древней Руси [Михайлычева: 158-160].

Второй южнославянский перевод сделан со второй греческой редакции, предположительно относящейся к первой половине XIII в.; он выполнен во второй пол. XIII-XIV вв., в XIV в. перешел в Россию, где распространился в большом количестве списков, составивших т. н. вторую русскую редакцию [Вилинский: 101-103; 263].

Перевод греческих конструкций с субстантивированным инфинитивом является одним из важных признаков, различающих древние и новые славянские переводы и правленные редакции XIV в.

Во втором южнославянском переводе, для которого характерны многочисленные сокращения и упрощения греческого текста, пропущено более половины всех инфинитивных конструкций. В статистике приводится только количество переведенных конструкций; пропуски соответствующих мест в славянском переводе специально не оговариваются. Разночтения по спискам крайне редки и отмечаются особо.

Конструкция *Ass. cum inf.* переводится 16 раз, из них 7 раз калькируется (конструкцией *Ass. + inf.*), 3 раза переводится одиночным инфинитивом, 5 раз – конструкцией *яко + личн. ф. глагола*; в одном случае перевод сделан «по смыслу».

Конструкция *Nom. cum inf.*, представленная однотипными примерами *ὁπὲρ ἐλέγχετο εἶναι (τὸ)...* (причем именная часть сказуемого в греческом тексте опущена или обозначена артиклем), переводится 6 раз: трижды – *личн. ф. глагола + Nom.*, трижды калькируется (*Nom. + inf.*).

Конструкция *πρὸ τοῦ + inf.*, имеющая значение предшествования, переводится 7 раз, из них 3 раза – конструкцией *прѣжде егда + личная форма глагола*, 2 раза – *прѣжде + Gen. отглагольного существительного*; в двух случаях перевод сделан «по смыслу».

Конструкция *μετὰ τὸ + inf.*, выражающая значение следования, переводится 15 раз, из них дважды – сочетанием *по + Loc.*, 7 раз – *по сихъ*, 1 раз – *по семь*; по одному разу – *Dat. Abs.*, причастием, конструкцией *якоже + личн. ф. глагола*; конструкция *μετὰ τὸ + inf. + Ass.* 1 раз передается конструкцией *потомъ же егда + личн. ф. глагола + Nom.*, 1 раз – *внегда же + личн. ф. глагола + Nom.*

Конструкция *ἐν τῷ + inf. + Ass.*, имеющая значение одновременности действий, переведена 20 раз, из них 7 раз – конструкцией *внегда + личн. ф. глагола*; 3 раза – *егда + личн. форма глагола (+ Nom.)*, причем в одном примере имеются разночтения: *егда + inf. + Dat.*; 3 раза – личными формами глагола; 4 раза – причастием, причем в одном случае смысл текста искажен – неверно обозначен субъект действия, выраженного конструкцией; 2 раза – *яко + личн. ф. глагола*, в обоих случаях в списках имеются расхождения (*яко + Dat. Abs.*; *егда + личн. ф. глагола*); в одном случае допущен вольный пересказ.

Конструкция $\delta\acute{\iota}\alpha\ \tau\acute{o} + \text{inf.} + \text{Acc.}$, имеющая значение причины, переводится 3 раза сочетанием *понеже* + личн. ф. глагола + Nom.; та же конструкция без аккузатива переводится 1 раз сочетанием *яко* + личн. ф. глагола.

Конструкция $\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \tau\acute{o} + \text{inf.}$, имеющая значение цели, переводится 9 раз, из них 4 – инфинитивом, 2 раза – конструкцией *якоже* + inf., по одному разу – *да* + praes., *ради* + Gen., личн. формой глагола.

Конструкция $\tau\omicron\bar{u} + \text{inf.}$, также имеющая значение цели, переводится 7 раз, из них 2 – инфинитивом, 2 – личн. формой глагола; в трех случаях текст пересказан.

Конструкция $\tau\acute{o} + \text{inf.}$ переводится 5 раз, из них 2 раза – инфинитивом; по одному разу – конструкцией *еже* + inf., *всегда / егда* + личн. ф. глагола, императивом (при цитировании заповедей).

Конструкция $\acute{\omega}\sigma\tau\epsilon + \text{inf.}$ переводится 18 раз, из них 7 – конструкцией *яко / якоже* + inf., 4 раза – *яко да* + личн. ф. глагола, 2 раза – *да* + conj. (*бы* + л-форма), 2 раза – конструкцией «глагол со значением намерения / желания + inf.», по одному разу – инфинитивом, конструкциями *яко / якоже* + личн. ф. глагола, *да* + личн. ф. глагола.

Конструкция $\acute{\omega}\varsigma + \text{inf.}$ переводится 4 раза конструкцией *яко / якоже* + inf.

Конструкция $\epsilon\acute{\iota}\pi\acute{\iota}\ \tau\bar{\omega} + \text{inf.}$ переводится 2 раза: 1 раз – сочетанием *на* + Acc. отглагольного сущ., 1 раз – конструкцией *яко да* + личн. ф. глагола.

По одному разу переводятся конструкции $\acute{\alpha}\mu\alpha\ \tau\bar{\omega} + \text{inf.}$ (*абие съ* + Instr.), $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}\ \tau\acute{o} + \text{inf.} + \text{Acc.}$ (*зане* + inf. + Dat.), $\pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\acute{o} + \text{inf.}$ (*како бы* + inf.).

Языковые средства, используемые во второй южнославянской редакции Жития Василия Нового для перевода инфинитивных конструкций, весьма вариативны; лишь в отношении некоторых конструкций можно говорить о преобладающем способе перевода. Синтаксические кальки, характерные для болгарских переводов XIV в., немногочисленны. Эти признаки сближают исследуемый текст с афонскими редакциями XIV в. [Пентковская: 27]. Косвенным подтверждением данного вывода является быстрое распространение перевода в болгарской, сербской и русской традициях.

Литература

Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 1. Исследование. Одесса, 1913. Ч. 2. Тексты. Одесса, 1911.

Михайлычева Т.В. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Пентковская Т.В. Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII-XIV вв.: Чудовская и афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009.

Об интерполяции из Песни Песней в составе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского от Луки

Индыченко Артем Андреевич

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Яркой особенностью группы поздних рукописей Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского от Луки (далее ТЕФБ) является наличие в тексте обширной интерполяции из толкового перевода Песни Песней, что впервые отмечено в [Алексеев 1999: 178]. Интерполяция расположена в тексте толкования на 45-е зачало Лк (9: 28-36, Преображение). Нами интерполяция обнаружена во всех исследованных рукописях середины XV-XVII вв. Самой ранней известной на данный момент рукописью ТЕФБ с интерполяцией является датированная 1467 годом рукопись РНБ Кир.-Бел. 10/135.

В известном нам греческом тексте ТЕФБ [Patrologia] интерполяция отсутствует. Интерполяция, по данным издателей ТЕФБ от Луки в ВМЧ (18 октября), отсутствует и в греческих изданиях ТЕФБ 1542 и 1635 гг. [ВМЧ: 1229-1230].

Необходимо отметить, что интерполяция из Песни Песней (далее ПП) выглядит в евангельском тексте ТЕФБ как нечто чужеродное – она разрывает главные члены предложения в рассказе о Преображении – следует после словосочетания, начинающего предложение, которое продолжается только после обширной вставки (толкование на Лк.9: 28–36).

Объектом нашего анализа стали разночтения между текстом интерполяции и текстом Толкового перевода ПП, а также некоторые лексические особенности отрывка, позволяющие обнаружить сходство с основным текстом ТЕФБ – в частности, неоднократно отмечавшееся совпадение лексики ТЕФБ с другим толковым текстом – Толкованиями Никиты Ираклийского на XVI слов Григория Богослова.

Среди различий нашего отрывка и текста Толкового перевода ПП представлены расхождения в грамматических формах, различные конструкции для передачи одного смысла различные словообразовательные варианты. Обращают на себя внимание случаи употребления различных лексем: в ряде случаев текст отрывка совпадает с древнейшим мефодиевским переводом ПП (стихи 2:8, 8:1-2 и др.). Например:

Стих 2:8	
Компиляция в ТЕФБ	РГБ, ОИДР 171 (СК 375)
се проиде скача по гораъм. играа по холмѡмь.	се тако придетъ скача на горы и прѣскача на хълмы.

Для перевода греч. διαλλόμενος здесь использован глагол *играти* – так же, как в древнейшем мефодиевском переводе, в толковом же тексте по изданию Алексева на этом месте представлена форма *прѣскача*, все другие переводы также не пользуются глаголом *играти*. Словарь Срезневского для иллюстрации значения ‘прыгать, скакать’ приводит цитаты из XVI слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского по списку XIV в. (Синодальное собрание, №117).

Другое немаловажное расхождение касается названия мужского персонажа ПП.
Ср.:

Стих 5:8	
Компиляция в ТЕФБ	РГБ, ОИДР 171 (СК 375)
аще ѡбрящете възлюбленнаго моего. възвстите емоу. яко оуязвена есмь. твоею любовію.	аще ѡбрящете брата моего что възвѣстите емоу. яко оуязвень е(с). твоею любовію.

В исходном древнееврейском тексте ПП существует несколько наименований мужских персонажей ПП, распределяющихся в зависимости от контекста: в большинстве случаев речь здесь идет о возлюбленном, однако в ряде случаев речь идет о брате. В греческом тексте Песни Песней наименование одно – *ὁ ἀδελφίδος*, причем помимо Песни Песней это слово больше не встречается в Септуагинте. Мефодиевский текст переводит *ὁ ἀδελφίδος* буквально – *братоучады*. Позднейшие переводы – включая толковый текст – руководствуются принципом перевода по контексту.

Толковый перевод для перевода лексемы *ὁ ἀδελφίδος* последовательно использует лексему *братъ*. Возможно, как утверждает в [Lunt: 306], именно этот вариант – как принадлежащий руке южнославянского правщика, разбиравшегося в греческом языке и увидевшего в *ὁ ἀδελφίδος* случай гипокористического именования возлюбленного (аналогично употреблению лексемы *ἡ ἀδελφή* для ласкового называния женщины в Песни Песней – ст. 4: 9,10,11; 5: 1,2) и принадлежит первоначальному тексту. Аналогичный случай автор исследования находит в переводе Костенецкого, который использует сербизмы *нетіи* (5:8), *сестричиць* (также являющегося гипокористическим именем от *сестричь*), распределенные отлично как от исходного древнееврейского текста, так и от других славянских переводов.

Зачастую компиляция отстывает от библейского текста. Отчасти такие отступления объясняются влиянием текста толкований на основной текст ПП. Толкования на

некоторые стихи могут распространяться, в том числе путем контаминации толкований на разные стихи. Контаминируются не только толкования, но и библейский текст. Цитаты в Толковом переводе и отрывке тоже могут передаваться по-разному, как, в частности, происходит в толковании на 4: 6, где цитируется Книга Исход. Цитата в компиляции не дословная и не совпадает ни с греческим текстом, ни с другими вариантами перевода этого стиха.

Литература

Алексеев, А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Алексеев, А.А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.

Великія мінеи четіи собранныя Всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ. Октябрь. Дни 4-18. СПб., 1874.

Lunt H.G. The OCS Song of Songs: One translation or two? // Die Welt der Slaven. 1985. Bd. 30. S. 279-318.

Patrologia graeca. Paris, 1857-1866. T. CXXIII.

Фонетика и лексика как средства характеристики древнерусского извода церковнославянского языка в «Сказании о Борисе и Глебе»

Караваева Полина Юрьевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

В настоящее время некоторые ученые подвергают сомнению тот факт, что памятники письменности донационального периода, созданные на территории Древнерусского государства, были написаны на церковнославянском языке. Принимая во внимание данную тенденцию, наша работа содержит доказательства принадлежности «Сказания о Борисе и Глебе», памятника конца XII – начала XIII вв., к древнерусскому изводу церковнославянского языка.

«Сказание о Борисе и Глебе» – это оригинальное произведение древнерусской литературы, входящее в «Успенский сборник» XII-XIII вв., то есть созданное еще в общевосточнославянский, донациональный период, о чем свидетельствуют многие его черты. Так, большинство черт, присущих церковнославянским текстам, указанных Н.Н. Дурново в труде «Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка», мы находим в «Сказании о Борисе и Глебе». В этой работе говорится о том, что правописание русских рукописей XI и XII вв. представляло комбинацию усвоенной писцами традиционной орфографии с правописанием их непосредственных оригиналов, осложненную ассоциацией написаний с книжным произношением, которое находилось под известным влиянием живого народного произношения. Ученый упоминает, например, в качестве черт, свидетельствующих об отнесении текста к церковнославянскому языку, сочетания «плавный согласный + редуцированный гласный». Или другую особенность – это употребление в тексте памятника начальных *e* и йотованного *e*.

Ученые-филологи, посвятившие исследованию «Успенского сборника XII-XIII вв.», самого древнего памятника восточнославянской письменности, многие годы жизни и подготовившие его издание, выявили признаки, которые свидетельствуют о принадлежности рукописи к памятникам восточнославянской (древнерусской) культуры XII-XIII веков: полногласие; этимологический порядок букв в корнях с сочетаниями редуцированных с плавными между согласными; *o* в начале слова в соответствии с *e* в древнейших южнославянских рукописях; обычное употребление буквы *ж* в соответствии с *жд* в южнославянских памятниках (на месте *dj); обычное употребление *ч* на месте ст.-сл. *шт* (*tj и *kt перед гласными переднего ряда); написания с буквой *e* при наличии *ѣ* в южнославянских древнейших рукописях; регулярное употребление буквы *л* после губных согласных *п, б, в, м* на месте этимологического сочетания губных с йотом; наличие буквы *ѣ* в падежных окончаниях существительных, прилагательных, местоимений мягкой разновидности единственного и множественного числа женского рода и множественного

числа мужского и среднего рода; окончания *-ьмь* и *-ьмь* у существительных мужского и среднего рода в творительном падеже единственного числа; *-ть* в третьем лице глаголов настоящего времени (и будущего простого); наличие форм имперфекта типа *съхожаше*, *оучаше*.

Так, одним из признаков древнерусского извода церковнославянского языка является употребление на письме в качестве окончания третьего лица глаголов настоящего времени *-ть*. Так, исследователь В.Н. Сидоров объяснил наличие этой отличительной черты в восточнославянских памятниках тем, что уже тогда, в конце XI и начале XII вв., писцы в этой форме слышали и произносили *-ь*, а не *-ь*, встречавшийся в болгарских оригиналах.

Помимо черт, уже упомянутых нами, в тексте памятника встречаются также окончания *-ьмь* и *-ьмь* у существительных мужского и среднего рода в Т.п. ед.ч. Надо отметить, что такие написания в «Сказании о Борисе и Глебе» мы видим очень часто.

О том, что перед нами древнерусский извод церковнославянского языка, ярко свидетельствует и лексика памятника. Огромную роль в обосновании этого факта играет такая лексема, как *животь*, присутствующая в памятнике. Надо заметить, что не один, а несколько раз употребленная лексема *животь* наряду с *жизнь* в тексте «Сказания о Борисе и Глебе», думается, может указывать на то, что текст создан до XIV века, когда происходит разделение древнерусского языка. Начинают формироваться язык русской народности, язык белорусской народности и язык украинской народности, и тогда слово *животь* употребляется намного реже, чем *жизнь*.

Таким образом, можно прийти к выводу, что «Сказание о Борисе и Глебе» представляет собой древнерусский извод церковнославянского языка, который может быть датирован XII-XIII вв. Данный вывод согласуется с позицией В.В. Виноградова, обосновавшего, что древнерусский язык имел несколько форм существования, одной из которых и был старославянский язык в определенной, древнерусской «редакции». О существовании нескольких видов древнерусского языка писал также и Р.И. Аванесов в исследовании «О древнерусском (древнецерковнославянском) вкладе в историю русского литературного языка», отмечая: «Действительно, древнерусский язык известен в нескольких своих типах – книжном (церковнославянском), деловом, народно-диалектном (в последнем случае надо различать и фольклорный). И все эти типы с точки зрения функциональной (не историко-этнической!) в равной мере были своими» [Аванесов: 158-159].

Литература

Аванесов Р.И. О древнерусском (церковнославянском) вкладе в историю русского литературного языка // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.

К вопросу о месте наречия среди именных частей речи древнерусского языка

Комышкова Анна Дмитриевна

Аспирантка Нижегородского государственного педагогического университета, Нижний Новгород, Россия

В истории русской грамматики принято разграничивать наречия на *-о* / *-е* и другие наречия, представляющие собой застывшие формы изменяемых частей речи. Наречия на *-о* / *-е* закрепили за собой ряд специфических особенностей: живая словообразовательная связь с прилагательными, специфическое словообразовательное средство, значение качественности, синтаксическая функция.

Обращает на себя внимание, что большинство качественных прилагательных русского языка по своей структуре являются производными, на что указывает член *-ьн-*. Этот же специфический суффикс сохраняется в наречиях, имеющих живую словообразовательную связь с прилагательными. Однако есть основания полагать, что на определенном этапе процесс выделения прилагательного в самостоятельный лексико-грамматический класс слов шел параллельно с формированием наречия как части речи.

Возьмем, к примеру, слова одного словообразовательного уровня с основной *-лют-*. Здесь среди форм первого словообразовательного шага находим: существительное *люто* «тяжкое, трудное что-нибудь» [Срезневский II-1: 96], прилагательное *лютыи* (*лютъ*) «дикий, свирепый» и ряд других значений [Срезневский II-1: 96], существительное *лють* «беда» [Срезневский II-1: 97], наречие *лють* «жестоко, тяжело, трудно, сильно». Все эти слова имеют единое семантическое ядро и при этом являются элементами одного словообразовательного уровня. Поэтому логично предположить, что они имеют единое производящее слово – имя с обобщенным значением признака.

Ряд ученых, изучающих процессы становления грамматической категории наречия в истории русского языка, придерживаются гипотезы о вычленении наречия как приглагольного определителя из категории нерасчлененного имени. Наречие как определитель предиката, таким образом, встает в один ряд с именем прилагательным – признаком предмета.

На происхождение наречия от синкретного имени, прежде всего, указывают такие наречные формы, как *смолоду*, *спроста*.

Напомним, что некоторые ученые (А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Е.М. Галкина-Федорук и др.) находили в наречиях такого типа следы системы именного склонения кратких прилагательных. Однако для прилагательных русского языка не характерны предложные формы, ведь предлог указывает на объектные отношения. Другие возводят наречия этого типа к атрибутивно-именным сочетаниям с утраченным компонентом. Имеется в виду «свертывание» атрибутивно-именных словосочетаний с последующей адвербиализацией прилагательного («лексико-семантическая конденсация»). Например, *из давна времени* – *издавна*. В.М. Марков считает, что появление наречий подобного типа связано с ослаблением категории бессуффиксных существительных среднего рода: *право*, *лево* и под. [Марков, 75]. Н.В. Чурмаева возводит такие наречия к категории нерасчлененного имени, объясняя, таким образом, их одновременную связь и с предметом и с признаком. Это же направление в исследованиях формирования определительных категорий продолжает В.А. Баранов. Согласно его гипотезе, синкретное значение категории нерасчлененного имени дифференцируется, в результате чего вычленяется категория предмета и категория признака. Далее дифференцируются категории именного предиката, приименного и приглагольного атрибутов. Прилагательное, в качестве одного из дифференцирующих признаков, получает членную структуру, точнее не саму структуру, а суффикс *-ьн-*.

Как и среди имен прилагательных, среди наречий весьма немногочисленны слова, образованные от нечленимой основы. Мы исследовали тексты древнерусских житий конца XI – начала XIII вв. – Борисо-Глебский цикл, включающий в себя «Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение о житии Бориса и Глеба», списки летописной повести о житии и убиении святых князей Бориса и Глеба, а также «Житие Феодосия Печерского».

Наречия, образованные от нечленимой основы – *особѣ*, *преже*, *древле*, *крѣпѣ*, *скоро*: *особѣ* сѣсти [ЖФП: 86], *Преже* реченый [ЖФП: 78]; *далече* соуще [ЖФП: 88]; *скоро* створити [ПДЛ: 78], *крѣпѣ* стати [ЖФП: 108].

Среди этих слов обращает на себя характерная мягкость производящей основы и в подавляющем большинстве конечное *ь* (*e*). Согласно мнению В.А. Баранова, на одном из этапов становления класса наречий именно это «окончание» было специфическим признаком глагольного определителя.

В текстах есть также единицы, образованные от нечленимых основ, но представляющие собой застывшую в обстоятельственном значении падежную (предложно-падежную) форму: *отаи*, *испроста*, *вборзе*, *прѣди*, *издалеча*, *послѣди*, *въскорѣ*, *надѣлзѣ*, *из млада*, *испѣрва*, *въкоупѣ*: *отаи* призва [ПДЛ: 68], *въскорѣ* извыче [ЖФП: 75], *надолзѣ* плакаста [ЖФП: 96], *послѣди* же повѣдаша [ЖФП: 81], *издавна*

жадааше [ЖФП: 122]; из млада богу дати ся [ЖФП: 73]; носяхоу же прѣди [ЖФП: 119], вѣкоупѣ съшедьше ся [ЖФП: 87].

Из двух рассмотренных нами групп наречий вторая количественно больше.

Приведенные единицы демонстрируют правомерность гипотезы происхождения наречий от более ранних именных форм, нежели собственно существительное или прилагательное. Наречия на -о / -е (точнее, для ранних текстов все-таки более характерно на -е / -ѣ) и адвербиализированные падежные формы имеют аналогичное происхождение. Многообразие форм свидетельствует о формировании специфических дифференцирующих признаков наречия как части речи.

Литература

[ЖФП] – Успенский сборник XII – XIII вв. М., 1971.

[ПДЛ] – *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Петроград, 1916.

Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2002.

Марков В.М. К истории отсубстантивных наречий // Бодуэн де Куртене и современная лингвистика. Казань, 1989. С. 15-78.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. М., 1989.

История церковнославянского текста Деяний и Посланий Апостольских в эпоху книгопечатания

Королев Петр Сергеевич

Соискатель, Московская православная духовная академия, Сергиев Посад, Россия

История изменений в церковнославянском тексте Деяний и Посланий Апостольских, происходивших с момента издания первопечатного Апостола Иваном Федоровым в 1564 г. и до наших дней, исследована не очень детально, а относительно богослужебной (предназначенной для храмового употребления) и четьей (предназначенной для домашнего употребления) версий существуют различные мифы.

По результатам нашего исследования история и характеристики изменений в тексте Деяний и Посланий выстраиваются достаточно точно; рассмотрение исторических документов было дополнено текстологическим анализом 91-го зачала, входящего и в богослужебный Апостол, и в Библию, и в Требник, и в Праздничную Минею.

Текст Апостола в рукописях

К началу книгопечатания на Руси церковнославянский текст Апостола имел уже длительную историю переводов, редактирования и сверки с греческими оригиналами. Анализ текста рукописных Апостолов позволил исследователям (Г.А. Воскресенскому, А.А. Алексееву, И. Христовой-Шомовой) выделить несколько редакций.

В XIV в. общепринятым текстом стала афонская редакция Нового Завета, возникшая не позже начала XIV в. и вошедшая в 1499 г. в Геннадиевскую Библию. Тем не менее, распространенность этой редакции не исключила влияния других редакций. Так, например, библейский текст Толкового Апостола 1519 г., переведенного с греческого под руководством Максима Грека, близок к библейскому тексту Толкового Апостола 1220 г., что позволяет говорить о существовании особого извода Апостола в толковых книгах.

Исследователи рукописной традиции Апостола, разграничивая редакции, не отмечали серьезных расхождений между текстами богослужебных и четьих книг. В рамках каждой из редакций встречаются книги обоих типов, кроме того, факт, что в Чудовском Новом Завете 1355 г. более поздней рукой была проставлена полная богослужебная разметка, свидетельствует о том, что в представлениях книжников XIV-XV веков не существовали отдельно «четий» и «богослужебный» изводы Апостола.

Первые печатные издания

Первое издание церковнославянского Апостола было осуществлено в 1525 г. Франциском Скориной. Оно стоит особняком среди изданий Апостола: обладая целым

рядом лексических, грамматических и графических особенностей, оно практически никак не повлияло на московские издания, и в единичных чтениях можно проследить его влияние на западнорусские издания.

Совсем другая судьба у первого московского Апостола 1564 г. Представляя собой результат большой текстологической и редакторской работы, этот извод сразу был принят в качестве основы для последующих московских и западнорусских изданий.

Первопечатник диакон Иван Федоров тот же самый текст Апостола включил в четье издание – Острожскую Библию 1581 г. Таким образом, с начала книгопечатания как в четых, так и в богослужебных книгах текст Апостола представлял собой один и тот же федоровский извод.

В рукописной книге редакторские находки Ивана Федорова не принимались еще в течение столетия, но к середине XVII в. эта традиция угасает и текст рукописных Апостолов начинает соответствовать печатному.

Издания до иоакимовской справы

В первой половине XVII в. как Москва, так и Киев осознают необходимость нового издания Библии, проверенного по греческому тексту, но на осуществление такого большого проекта не находится интеллектуальных ресурсов. В Москве Епифаний (Славинецкий), а в Киеве Петр Могила работали над новым изданием Священного Писания, параллельно занимаясь редактированием богослужебных текстов – поэтому в их редакции апостольских зачал присутствуют отголоски проектов библейской справы.

Петр Могила сильно отредактировал текст Апостола, у него немало синонимических нововведений, изменений конструкций и форм слов; в отличие от него, московские справщики больше обращались к рукописям, правили «с добрых переводов» и не стремились к новшествам. Тем не менее, поскольку вскоре после издания Требник Могилы попал в число авторитетных книг, его чтения распространились среди московских изданий.

Неспособность издать новую, исправленную, Библию, привела к переизданию Острожской в 1663 г. В том же году та же московская типография напечатала богослужебный Апостол. Различия между этими изданиями показывают итоги целого века редактирования, но они все же не столь значительны, чтобы можно было говорить о богослужебном и четьем изводах Апостола в 1663 г.

Две справы: иоакимовская и елизаветинская

В 1678 г. под руководством Сильвестра (Медведева) было проведено сопоставление Апостола со славянскими и греческими изданиями, исправления были согласованы с патриархом Иоакимом, и в следующем году вышел Апостол, положивший начало нового, иоакимовского извода Апостола. При редактировании были устранены некоторые слова, которые Иван Федоров добавил для большей понятности текста – этих слов не было ни в киевских изданиях, ни в рукописных текстах. Хотя в корректурном экземпляре есть пометки, свидетельствующие об обращении к греческому тексту, полного сопоставления не проводилось.

Проверка по греческому тексту была осуществлена при подготовке Елизаветинской Библии. Были устранены некоторые ошибки перевода, осуществлены некоторые синонимические замены и было добавлено немало количество сносок с поясняющими синонимичными чтениями.

Сферы функционирования изводов

В течение некоторого времени после 1751 г. сферы функционирования иоакимовского и елизаветинского изводов еще не были разграничены: встречаются как богослужебные издания с елизаветинским текстом, так и четьи с иоакимовским.

В первой половине XIX в. сложилась следующая картина, которая остается до сих пор:

- 1) В четых изданиях (Библиях и Новых Заветах) текст елизаветинский;
- 2) В богослужебных Апостолах текст иоакимовский, но некоторые сноски

заимствованы из Елизаветинской Библии;

3) В других богослужебных книгах (Минеях и Требниках) текст ближе к иоакимовскому, но некоторые чтения заимствованы из елизаветинского.

Членные формы в предикативной функции и их грамматическая семантика (на материале корпуса летописей – Лаврентьевского, Ипатьевского и Радзивилловского списков)

Коротаева Анна Анатольевна

Аспирантка Ижевского государственного технического университета, Ижевск, Россия

В русских памятниках XIV–XV вв. членные формы имени относительно редко встречаются в предикативной функции. Так, при помощи сплошной выборки в корпусе летописей в общей части – «Повести временных лет» (далее ПВЛ) – обнаружено 26 примеров, в частях после ПВЛ в Лаврентьевской летописи (ЛЛ) – 7 форм, в Ипатьевской (ЛИ) – 29, в Радзивилловской (ЛР) – 5. Принято считать, что нечленная форма специализируется на предикативной функции, а членная – на атрибутивной. Членная форма проникает в предикат тогда, когда она становится показателем собственно качественного имени и прилагательное как часть речи в атрибутивной функции передается членными именами. Традиционно единичные примеры употребления членной формы в предикативной функции в русских памятниках XIV–XV вв. рассматриваются как новое явление и исследуются с позиции отождествления с примерами употребления полных прилагательных в предикате в современном русском языке.

Грамматическая система в XIV–XV вв. еще находится на стадии формирования, и такая часть речи, как имя прилагательное, переживает фазу становления своих категорий, поэтому вполне очевидно, что примеры с членными именами в предикативной функции нужно рассматривать с точки зрения иных научных оснований.

Основополагающим является решение вопроса о статусе членной формы на ранних этапах ее существования. В науке принято рассматривать членную форму как производную от нечленной при помощи указательного местоимения, вносящего дополнительные оттенки в значение формы: значение определенности, указание на вышеупомянутый признак или предмет. Однако существует другое понимание новообразованной членной формы (субстантивата), основанное на признании члена актуализатором «субстанционального значения определяющего имени» [Селищев: 127]. Первоначально именно субстантиват вступает в синтаксические отношения с именем существительным в пределах синтагмы [Баранов: 80–81]. Переосмысление членной формы как адъективной происходит на дальнейших этапах развития языка.

В тексте корпуса летописей находим членные формы, отражающие первичное субстанциональное значение и при этом находящиеся с именем существительным в предикативных отношениях: *иже свѣщеваютъ на кровопролитѣ . то суть неистовии* (ЛЛ, 24 л., ЛР, 43 л., ЛИ, 30 об.); *блжнии мл^стви . яко ти помиловани буду^м* (ЛЛ, 164 л.).

В приведенных примерах за членной формой скрывается не просто обозначение качества (свойства), но и обозначение субстанции-субъекта (ср. с существительными *блаженный, неистовый*).

Показательны и примеры с разночтением членной – нечленной формы в предикативной функции: *не добро бо есть преступати предѣла чюжего* (ЛЛ, 61 об., ЛР, 107 л.) – *не доброе есть преступати придѣла чюжаго* (ЛИ, 67 об.).

В ЛЛ и ЛР представлена нечленная форма, которая может трактоваться и как имя существительное, и как нечленная форма прилагательного, но и пример из ЛИ, с учетом вышеизложенных положений о членном имени, может быть иллюстрацией сложной грамматической семантики формы, в которой соединяется наименование представления о явлении в совокупности с его качественными характеристиками. Всего в корпусе в части ПВЛ обнаружено 15 подобных примеров.

Еще одним доказательством сложной семантики членного имени являются примеры с членным именем и существительным в одном ряду: *и тако скончаша и игоря князя сна олгова . бяшетъ бо добрыи и поборникъ очьства своего* (ЛИ, 129 об.).

Если членное имя, сохраняющее одновременно субстанциональные и адъективные свойства, в текстах летописей употребляется в предикативной функции, то случаи употребления адъективной членной формы квалифицируются довольно сложно, т. к. определение синтаксической функции затрудняется в силу неустойчивости, вариативности конструкции.

Приведем пример разночтения: *у негоже града суть златая врата* (ЛЛ, 51 об.) – *суть вра^м златыя* (ЛР, 87 л.) – *врата суть златая* (ЛИ, 56 об.). Варианты из ЛЛ и ЛР относятся, скорее, к атрибутивному употреблению, а вариант из ЛИ – к предикативному, хотя при определенном прочтении членное имя во всех трех положениях относительно грамматического субъекта и связки может считаться употребленным в предикативной функции. Такая неоднозначность конструкции свидетельствует о том, что язык корпуса летописей отражает то состояние, когда адъективное членное имя еще только «осваивает» предикативную функцию.

Итак, в языке корпуса летописей примеры употребления членного имени отражают ту стадию развития языка, когда уже начинают формироваться предикативные отношения с участием адъективного членного имени. Другая же часть примеров с членным именем свидетельствует об употреблении в предикативной функции имени с более архаичным значением, отражающим наименование субстанции и приписываемые ей признаки.

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию РФ (проект “Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста”, 2.1.3/2987)

Литература:

Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань, 2003.

Ипатьевская летопись: «Повесть временных лет» по Ипатьевскому списку летописи // «Манускрипт: Славянское письменное наследие»:

http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080.

Лаврентьевская летопись: «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи // «Манускрипт: Славянское письменное наследие»:

http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902.

Радзивилловская летопись: «Повесть временных лет» по Ипатьевскому списку летописи // «Манускрипт: Славянское письменное наследие»:

http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43296853.

Селищев А.М. Старославянский язык. Ч.2. М., 1952.

Лексико-семантические дублиеты лжкавьи – неприѣзнь в древнейших переводах славянской письменности

Лебедева Мария Витальевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Лексика и семантика старославянского языка представляет собой малоизученный и сложный для лексикологического, лексикографического и историко-семантического исследования материал. Трудность его изучения обусловлена специфическими особенностями лексически разнородного фонда старославянского языка. Одной из таких характерных особенностей лексики старославянского языка является его насыщенность лексико-семантическими дублетами. Неоднородность распределения каждого из компонентов дублетной пары по памятникам древнейшей славянской письменности представляет актуальную тему для исследований в области истории славянского перевода Евангелия.

Эти исследования могут быть проведены различными методами: классификацией лексических вариантов, семантическим методом, предполагающим исследование лексики сакрального языка как системы. Но сложность лексико-семантического материала старославянского языка предполагает проведение герменевтического анализа как метода, позволяющего исследовать лексику старославянского языка комплексно, с учетом особенностей переводческой деятельности писцов и жанровых особенностей памятника.

Преимущество подобного исследования может быть доказано проведением герменевтического анализа дублетной пары лжкавьи – неприѣзнь. Целью этого анализа является исследование особенностей переводческой техники в передаче значения греческого слова и обоснование выбора компонента дублетной пары. Рассмотрим каждый из компонентов дублетной пары лжкавьи – неприѣзнь.

Лексема лжкавьи – дериват от существительного лжка, δόλος ‘хитрость, коварство’ [Вейсман: 340], слова, находящегося в отношениях системной омонимии с лексемой лжка, κόλπος ‘морская бухта, залив’ [Вейсман: 720], έλος ‘болото, болотистая низменность, луг’ [Вейсман: 416] и ήϊον ‘морской берег’ [Дьяченко: 288]. В последних значениях лексема лжка фиксируется в неевангельских текстах (в переводе Дамаскина Иоанном экзархом, Син. р. № 155 л. 75 об. см. Опис. Син. р. ч. III, стр. 298); в вопросах и ответах Сильвестра и Антония (Син. сп. 1512г. л. 54); выражение “луку моря” часто встречается в летописных памятниках (Лавр. 227, Лавр. 342, Ип. 104) [Дьяченко: 288].

Прилагательное лжкавьи встречается в краткоапракосных чтениях, что доказывает его первичность: Мф. 6,13 (Асс, Боянский палимпсест). Рассмотрев контекст употребления, можно сделать вывод, что данная лексема представляет собой субстантивированный субъект: и не въведі насъ въ искушение нь избаві нѣи ѿ лжкавааго. То есть прилагательное лжкавьи означает ‘дьявол’, ‘нечистая сила’. Рассмотрение других контекстов употребления подтверждает эту гипотезу: родъ лжкавь. і любодѣи знаменіѣ іштеть. і знамение не дасть ся емоу (Мф. 12, 39, Зогр. Мар). В апракосы не входило это место. Родъ лжкавь – ‘род криводушных, коварных’, т.е. поступающих как дьявол. Это значение лексемы лжкавьи подтверждается наличием в аналогичных контекстах лексем діаволь (отъ діавола, Мф. 4,1, Асс., Сав.), сотона (Лк. 13,16, Зогр., Мар., Асс.). Наличие в памятниках старославянской письменности лексемы лжкавьи с компонентом значения ‘субстантивированный субъект’ объясняется влиянием народной речи на язык церковных книг. Ср., например, лукавый – ‘бес, дьявол, сатана, нечистый, злой дух’ [Даль: 272].

Рассмотрим теперь второй компонент дублетной пары: лексема неприѣзнь представляет собой моравско-паннонский элемент, в котором видят кальку д.-в.-н. unholdo м. ‘дьявол’ unholda – то же [Фасмер: 64]. Ст.-сл. неприѣзнь - *neprijazнь, πονηρία, nequitia, διάβολος, σατανας [ЭССЯ: 216]. Ее соответствия в славянских языках показывают регулярное наличие сем ‘враждебность’, ‘враг’, а в восточнославянских языках и присутствие необходимого для евангельского контекста семантического компонента ‘злой дух’: др.-русск. неприязнь ‘зло, вражда, злой дух’ [Там же: 216]. Данная лексема зафиксирована исключительно в древних евангелиях-тетр, Мар. и Зогр; в Ват. палимпсесте и Сав. книге, евангелиях-апракос, исправленных под влиянием четвероевангелий моравской редакции, в Мф. 6,13, в Сав. книге также в Лк. 13,16; в Син. трб. 486, 9. Таким образом, присутствие лексемы неприѣзнь в памятниках древнейшего перевода минимально и версия И.В. Ягича и К. Горалека о ее первичности не подтверждается. Неоднородность же распределения лексем лжкавьи – неприѣзнь по памятникам старославянской письменности в значительной степени обусловлена местом написания памятника. Для памятников, написанных на территории восточной Болгарии,

кириллических, характерно, главным образом, словоупотребление лексемы лжжавыи, а в памятниках, созданных в юго-западной части Болгарского государства, глаголических, преобладает словоупотребление лексемы неприѣзнь.

Таким образом, можно предположить, что в процессе переводческой деятельности именно семантика каждого из компонентов дублетной пары могла влиять на решающий выбор переводчика: при переводе древнегреческого эквивалента выбиралось то слово, которое не смогло бы нарушить семантическую целостность памятника и привести в сакральные тексты элементы семантики, непонятные широкому кругу читателей.

Литература

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. М., 1989-1991. Т. 2.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 2006.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1987. Т.3.

[ЭССЯ] – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1997. Вып. 24.

Сравнительный анализ форм перфекта и плюсквамперфекта в поздних обработках Жития Василия Нового

Мраморнова Оксана Геннадьевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

Первый русский перевод «Жития Василия Нового» (далее ЖВН1), осуществленный с греческого языка, был сделан на Руси еще в XI в. Несколько столетий спустя Димитрий Ростовский переработал данный текст, значительно его сократив (далее ЖВН ДР) [Вилинский: 350-946]. Очень важное значение в исследовании данных вариантах текстов ЖВН1 имеет изучение системы прошедших времен, а именно, изучение употребления форм перфекта и плюсквамперфекта.

ЖВН1 и ЖВН ДР относятся к разным эпохам и, следовательно, отображают соответствующие времени грамматические признаки. Исследуя текст ЖВН1 русской редакции, необходимо отметить, что он написан достаточно правильным книжным языком, хотя в системе прошедших времен наблюдается некоторая неуконность и ненормированность форм. Основными формами прошедшего времени являются: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Очень часты в ЖВН1 формы так называемого древнерусского книжного плюсквамперфекта [Петрухин: 76]. Он используется чаще всего в контекстах, передающих «давнопрошедший» смысл события. Т. е. формы плюсквамперфекта используются в тексте согласно своей семантике, и образуются они с помощью аористой или имперфектной формы глагола *быти* и причастия на -л [Успенский: 251]. В ЖВН1 плюсквамперфект в основном используется в форме 3 л. мн. ч (*слышали бяше, быша не приимали, утверзли быша*), а также в 3 л. ед.ч. (*оутвердиль бяше, бяше прияла*) Зафиксировано несколько случаев использования плюсквамперфекта в 1 л. ед. и мн. ч. (*вратилъся быхъ, бяхъ хотела, быхъ вѣдала; быхомъ достигли*). Что касается ЖВН ДР, то в данном тексте формы плюсквамперфекта отсутствуют, а в контекстах, где в ЖВН1 употребляется плюсквамперфект, Димитрий Ростовский находит различные замены в соответствии с его грамматической нормой. Так, 3 л.ед. ч. ЖВН1 чаще всего в ЖВН ДР соответствуют формы перфекта без связки, формам 1 л. ед. и мн. ч и 3 л. мн. ч соответствуют формы аориста. Об изменениях в грамматическом строе языка также говорит то, что формы перфекта, достаточно часто встречающиеся в тексте ЖВН1, употребляются в ЖВН ДР как со связкой, так и без нее. Совпадение употребления перфекта ЖВН1 и ЖВН ДР происходит лишь в форме 2 л. ед.ч., реже в 3 л. ед., причем Димитрий Ростовский употребляет здесь форму перфекта всегда без связки. Таким образом, следует сказать, что для Димитрия Ростовского важна в

первую очередь не смысловая функция перфекта, а грамматическая. Он, следуя традиции, заложенной Максимом Греком, вводит форму перфекта во 2 л. ед. ч. лишь для разграничения омонимичных форм аориста и имперфекта. Итак, на протяжении своего варианта текста ЖВН Димитрий Ростовский включает форму перфекта 2 л. ед. ч в парадигму аориста, а в единичных случаях встречается употребление перфекта в 3 л. ед. ч без связки. Здесь также следует сказать о традиции Максима Грека.

Таким образом, в текстах ЖВН, отредактированных на Руси в разные эпохи, отражены разные языковые процессы. Надо отметить, что обе редакции текста носят книжный характер. Однако в ЖВН1 парадигма прошедших времен еще достаточно не систематизирована, данному тексту присуща прежде всего семантическая дифференциация в употреблении форм перфекта и плюсквамперфекта. Обратная ситуация наблюдается в ЖВН ДР. Здесь перфектные формы во 2 л. ед. ч и реже в 3 л. ед. ч. без связки употребляются в типичном аористном значении и свободно вводятся в парадигму форм аориста. Введение именно данных форм перфекта в текст восходит к традиции Максима Грека.

Литература

Вилинский С.Г. Житие Василия Новаго в русской литературе. Часть II. Тексты и жития. Одесса, 1911. С. 350-946.

Петрухин П.В. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку. М., 2004.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). Москва, 2002.

Диалектные фонетические особенности как средство локализации памятника (на материале Троицкого сборника XII-XIII вв. (РГБ, Тр. 12))

Паймина Ольга Сергеевна

Аспирантка Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина,
Казань, Россия

Троицкий сборник XII–XIII вв. принадлежит к числу недатированных и нелокализованных памятников древнерусской письменности. Первые упоминания об этом сборнике в научных кругах относятся к середине XIX в. и принадлежат М. Ундольскому, который в 1840 г. обнаружил неизвестную до того времени рукопись в библиотеке Троице-Сергиевой лавры.

Ярко выраженных диалектных особенностей, которые бы помогли однозначно определить ареал создания рукописи, в Троицком сборнике нет. Однако есть ряд языковых черт (прежде всего, в области фонетики), свойственных северным или южным говорам или тем и другим, но в разной степени (второе полногласие, вокализованные редуцированные в слабой позиции и др.).

Данная работа посвящена рассмотрению диалектных фонетических особенностей в Троицком сборнике XII–XIII вв. с целью попытки локализации исследуемой рукописи.

Назовем основные фонетические черты диалектного характера, нашедшие отражение в Троицком сборнике.

1) Второе полногласие – фонетическое явление, на которое первым обратил внимание А.А. Потебня. Именно он ввел в научный оборот термин «второе полногласие». При этом исследователь полагал данное явление территориально, диалектно ограниченным и свойственным северо-западным районам Руси (Псковские земли). В отличие от Потебни А.И. Соболевский считал второе полногласие, свойственным как северным, так и южным древнерусским диалектам.

Общеславянские рефлексy типа *tьrt, *tьlt, *tьrt, *tьlt в Троицком сборнике XII-XIII вв. реализованы преимущественно в древнерусской огласовке: редуцированный перед плавным. Примеры так называемого второго полногласия в исследуемой рукописи немногочисленны (например, *не гьръдь* 56, 11; *нищимь кьръмлю* 175 об., 9; *тлькноувьшю* 67 об., 6; *да мьльчить* 142 об., 22; *оумьрьцьвю* 41 об., 19;

несътьрь/тимаго пламене 45 об., 3-4), но показательны. Их ценность заключается в том, что они представлены преимущественно в середине строки, а значит, говорить о графическом приеме писца заканчивать строку гласной не приходится. Кроме того, в Троицком сборнике тенденция заканчивать строку гласной не выдержана, что сближает исследуемую рукопись с ростовскими памятниками XIII в.

Рефлексы, восходящие к группе типа **tyrt*, могут реализовываться в двух двуеровых вариантах: с гомогенными редуцированными перед плавным и после него (*попърьць* 51, 20; *чьрь/ньць ходяи* 76 об., 15-16) и гетерогенными (*отвьръзьль* 9 об., 20; *мъртвоуосоуцю* 198 об., 18). Выбор редуцированного после плавного обусловлен характером гласного в следующем слоге.

В особом ряду оказывается форма *не оскърь/бляи* 74, 18-19 с разнородными редуцированными по обе стороны плавного, восходящая к рефлексу типа **tyrt*. Данный корень в древнерусских памятниках, в том числе и в Троицком сборнике, имеет две формы реализации – с редуцированным переднего ряда перед плавным (*скърбь*) и с редуцированным переднего ряда (*скърбь*). Второй вариант написания с гласным переднего ряда после заднеязычного считается принадлежностью южных говоров.

2) Вокализованные редуцированные в слабой позиции (*нръ/до тобою* 170, 19-20; *помощеникъ* 170 об., 2; *гръшеникомъ* 172 об., 12; *въ нбсьеною* 172 об., 17; *животньо кръпоко* 181, 7) являются отличительной чертой, прежде всего, северных диалектов (ср. примеры в новгородских берестяных грамотах).

3) Ер, исправленный из о, в позиции конца слова (*оставль петръ ме/режю* 16 об., 1-2; *гръхъ мо/ихъ оцъститъ* 88 об., 4-5).

4) Редуцированные на месте гласных полного образования (*одинъго* 6 об., 15; *не рьдтъсья* 149 об., 14; *блъ/гыи прьдъ лицъмь бжиемь из□ тбоудеть* 154 об., 10-12; *пъдъ гнттъ* 173, 3; *дньндеже* 181, 16; *връмьньна* 183, 14).

5) Пропуск редуцированных:

а) в конце слова (*не/рыбар ли бль* 16, 14-15; *тъм бо дастъ бгъ* 24 об., 6),

б) перед энклитиком *ся* (*ретится* 67 об., 19; *и тълкоуцому отвьръзеться* 79, 3; *да помолится* 98 об., 3 и др.),

в) в конце строки (*съ трудом* 3, 8; *се рек* 45 об., 8; *против* 63, 10), в том числе перед знаком завершения синтагмы или абзаца (*сътвориx* 10, 5).

б) Замена звонких согласных глухими (*и от щюжсихъ имтъти приязнь подобать/тъ* 177 об., 19-20) и глухих звонкими (*съгръжати* 72, 2). Заслуживают внимания примеры замены звонких согласных глухими и глухих звонкими в позиции между гласными. Безусловно, ряд примеров можно трактовать как написания, появившиеся под влиянием согласного в соседнем слоге (например, *попор[ь]/никъ* 1 об., 20-21; *Рошьиюю* 53, 1). Однако не все написания можно объяснить подобным влиянием (например, *съгръжати*).

Наиболее пристальное внимание на данное явление обратил В.В. Колесов. Он полагает подобные замены особенностью древнего псковского диалекта.

7) Смешение согласных:

а) шипящих и свистящих: *не бтъхъ бо достоинъ приблизитися сде* 10, 3 *иж нтъго же испадохомъ* 25, 3;

б) ч и ц: *по всяча праздьники* 6 об., 14; *и оцъщени обращающимъсья* 171 об., 2;

в) к и ц: *възницають* 149, 10.

Цоканье и смешение шипящих и свистящих традиционно принято считать принадлежностью северо-западных земель древней Руси.

Обнаруженные в Троицком сборнике XII-XIII вв. диалектные фонетические особенности (второе полногласие, смешение редуцированных и гласных полного образования, смешение свистящих и шипящих и нек. др.) позволяют предположить, что рукопись была создана на территории Владимиро-Суздальского княжества (Ростово-

Суздальские земли) и является одним из ростовских памятников. В пользу этого предположения выступает графическая манера писцов Троицкого сборника XII-XIII вв. и Устава н. XIII в. изображать заглавную букву в с петлей на спинке вертикальной мачты. Подобное начертание данной графемы представлено на листах 12, 14, 19, 19 об., *20 об., 21 и 175 об. в почерках трех писцов.

Причины смены типов письма в русских рукописях XIV–XV вв.

Панкова Екатерина Евгеньевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Тип письма является важным датирующим признаком, однако существуют рукописи, авторы которых совмещали разные типы письма. Это затрудняет датировку и ставит перед исследователем вопрос, чем же вызвана их смена. Иногда понятия типа письма (устав, полуустав, скоропись и переходные типы) и почерка не разграничиваются исследователями, однако представляется целесообразным делать это. Почерк – это совокупность индивидуальных особенностей, объективно проявившихся и зафиксированных в конкретных текстах.

Рукописи, совмещающие разные типы письма, можно разделить на 3 основные группы.

1.1. *Смена типа письма по функциональному признаку.* В списке кон. XIV в. Евангелия тетр (РГАДА, ф. 196, № 1699) бóльшая часть текста написана уставом, но 4 отрывка (л. 1 об., 6, 73–74, 117) переписаны русским полууставом. Анализ графико-орфографических особенностей показал, что все отрывки принадлежат одному писцу. Интересно, что евангельский текст пишется исключительно каллиграфическим уставным письмом, тогда как «дополнительные» тексты (предисловия Феофилакта Болгарского к Евангелиям (л. 1 об., 73–74, 117) и «како чтется тетра еуа(г). на часѣх стыя великы недѣли» (л. 6)) написаны полууставом. Вероятно, писцы данного скриптория считали устав и старший полуустав функционально неравноправными типами письма. Такая ситуация вполне естественна для переходного периода русской письменности середины XIV-первой половины XV вв., когда старший полуустав часто употреблялся и как деловое письмо. Следует отметить, что в основном тексте Евангелия и предисловиях разная орфография. На этом основании можно утверждать, что они переписаны разными писцами.

1.2. В этом отношении резко отличается Псалтырь с добавлениями (РГАДА, ф. 201, № 76). Ее основная часть переписана каллиграфическим младшим полууставом нескольких близких почерков, однако есть небольшие части текста, написанные старшим полууставом (л. 225-242 об., 244 об.-246) и один лист, переписанный некаллиграфическим уставом (л. 224 об.). Проведенное исследование показало, что эти отрывки принадлежат одному и тому же писцу. Сравнительная характеристика начерков представлена в таблице.

Признаки	Устав (л. 224 об.)	Старший полуустав (л. 225)	Основной почерк
ω	-	-	+
ѣ	низкая мачта	низкая мачта	высокая мачта
і	-	-	+
а йотир.	-	-	+
оу/у	оу – в начале слова, у – после согл.	оу – в начале слова, у – после согл.	у – в конце строки, оу – во всех позициях
ч	в виде расщепя	в виде расщепя	асимметр. с

			неглубокой чашей
Ы	с ъ	с ъ	с ъ
В	с клинописной верхней петлей	с клинописной верхней петлей	симметричная угловатой формы
З	длинный прямой хвост	длинный прямой хвост	округлый изогнутый хвост
Д	длинные прямые штрихи	длинные прямые штрихи	короткие штрихи
Т	с короткими штрихами у перекладины	с короткими штрихами у перекладины	с длинным штрихом, почти достигающим до нижнего уровня строки
Ж	небрежно в 3 штриха, нет соединения между элементами	небрежно в 3 штриха, нет соединения между элементами	с небольшой верхней частью
Зияние	-	-	+

Писец также признает младший полуустав и устав более престижными типами письма, более подходящими для передачи сакрального текста. Однако ему не хватает профессионализма, поэтому начав с устава, он переходит на более привычный ему старший полуустав. Переход с устава на полуустав или с полуустава на скоропись часто бывает обусловлен стремлением к быстроте письма.

2. *Рестаурация и «поновление» первоначального текста.* Иногда первоначальный текст становился менее четким, и тогда писцы либо «поновляли» его (не всегда сохраняя при этом древние начертания букв), либо вставляли новые листы. В подавляющем большинстве случаев они ориентировались на свои графико-орфографические нормы, а не подражали письму реставрируемой рукописи. Образцом такой восстановленной рукописи может служить Псалтырь (РГАДА, ф. 381, № 31), где основной текст написан уставом XIV-XV вв., а л. 33-41 – младшим полууставом XVI в. Иногда писец мог подражать графике и орфографии реставрируемой книги.

3. *Дополнения к основному тексту.* Это самая многочисленная группа. Часто в богослужебные книги могли добавляться дополнительные статьи литургического содержания, нужные по той или иной причине владельцу книги. Так, в Октоихе изборном (РГАДА, ф. 381, № 75) основной текст написан уставом XIV в., а последний лист рукописи (л. 122 об.) – старшим полууставом XIV в. На этом листе – песнопения вечерни и утрени, которые изначально в состав Октоиха не входили, однако регулярно поются во время службы. Основной текст рукописи написан каллиграфически, а последний лист явно нет: с неровными асимметричными буквами, без разлиновки. Поскольку оба почерка датируются одинаково, есть основания полагать, что в данном случае смена типа письма обусловлена тем, что основная часть текста переписана профессионалом, а л. 222 об. – нет. В Минее служебной (РГАДА, ф. 381, № 114) части, написанные уставом и полууставом, имеют еще более значительный временной разрыв: основная часть текста написана почерком XIV в., а л. 1 – полууставом XV в. В таких случаях графико-орфографические нормы разных частей текста различаются, поскольку принадлежат разным почеркам. Такие дополнения к основному тексту могли быть сделаны только на пустых листах (как правило, первом или последнем).

Таким образом, можно выделить несколько причин, обуславливающих смену типа письма в рукописях XIV-XV вв. Из рассмотренных примеров наибольший интерес представляют имитация писцом реставрируемого текста и смена типа письма по функциональному признаку. Смена типов письма могла быть обусловлена и эстетическими установками писца, не всегда непосредственно связанными с содержанием.

Это говорит о том, что один и тот же писец в зависимости от своих целей мог менять тип письма, сохраняя при этом привычные ему графико-орфографические нормы.

Проблема интерпретации пропуска *и* на месте <j> в среднерусских скорописных памятниках 1-й половины XVII в.

Смирнова Юлия Владимировна

Аспирантка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

В целом ряде русских письменных памятников встречаются написания с пропуском буквы *и* на месте фонемы <j> в позиции конца слова или же перед согласными. Они отмечались в двинских грамотах XV в. [Шахматов: 72], в новгородских и псковских документах XV-XVII вв. [Галинская: 37, 109]. Довольно большое количество таких случаев встретилось и в скорописных отказных книгах первой половины XVII в. с восточносреднерусской территории (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, №№ 12617, 11332, 11333, 11845). Ср. примеры из записей, составленных писцами из северной части Владимирского уезда (окающие говоры): *сна^ско по^н, нико^лско поп, дво^п бобы^лско, црько^вно дьяче^к, по нака^зно памети, гу^бно целова^лникъ, на то пустоши; Алексе, по^н Василе; замище, о^м...замища, Михалу, Михало, Михаловича, Осипу Михалову (ср. *Осипа Михацлова*) и др. Многочисленные случаи пропуска *и* есть и в документах из Суздальского уезда (они особенно частотны у двух авторов): *шестьдеся^м че^муиве^пте, трица^м че^муиве^пте, пя^м че^мве^пте, а в не^нпа^нни девя^м че^мве^пте да в не^нжо..., а в не^нпа^нни, а в не^нкрестья^н, Василе Ивано^в, в дете свои^х; црько^вно, рожесве^нско по^н, бгороди^нко по^н, в Телешо^вско, на то^ж пустоши прю^о, х то^ж пустоши, по крестья^нско ска^зке, по^н Второ; Елисеко, Стафеко и т. п.**

В документах, написанных авторами с более южных территорий (Муромский уезд, окающие говоры Владимирского уезда), подобные примеры также имеются, однако их существенно меньше (*его^певъско по^н, у челоби^нно о^мца, а^в не, О^ндре, Е^фтиф^ѣка, нико^лски поп, др^вни Сави^нска, к...Сави^нска, нико^лска дияче^к и нек. др.*).

С одной стороны, эти случаи можно считать просто графическим эффектом, не имеющим фонетических оснований, т. е. рассматривать их в ряду прочих сокращений, характерных для скорописи (ср., например, частотные написания *е²* вместо *его*). Однако высказывалось и предположение, что такие примеры отражают действительное отсутствие соответствующего звука в произношении [Там же].

Известно, что в современных севернорусских и среднерусских говорах артикуляция звука на месте <j> может быть ослабленной (то есть <j> реализуется в неслоговом [и] или [е]), на южной же территории он способен приближаться по качеству к шумным согласным, см. [Русская диалектология: 70-71].

Косвенным свидетельством наличия ослабленной артикуляции у звука на месте <j> в положении перед согласными могут служить особенности прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных. Так, в говорах южнорусского наречия данное явление наблюдается в том числе в позиции после <j>, в то время как в ряде севернорусских и среднерусских говоров заднеязычные согласные в этом случае не смягчаются ([Вас'к'а], [бан'к'а], но [чайку]). Допустимо предположить, что именно реализация <j> в неслоговом гласном препятствовала осуществлению ассимиляции (существует также точка зрения, что причиной этого была фонологическая несущественность признака мягкости у данной фонемы [Там же: 78]).

При этом в русских диалектах утрата звука на месте <j> в основном характерна для интервокального положения – ср. хорошо известные случаи выпадения и последующего стяжения в глагольных формах и формах прилагательных, свойственные севернорусским и среднерусским (в особенности окающим) говорам [Пожарицкая: 95-96].

Что же касается утраты звука на месте <j> в конце слова и перед согласными, то важно, что такое явление отмечается в современном литературном языке, хотя и

ограничиваясь рядом позиций (в СРЛЯ звуки, воплощающие фонему <j>, также являются менее напряженными, чем в говорах южнорусского наречия [Русская диалектология: 71]). К примеру, <j> может реализоваться нулем звука после ударного [e], но только перед мягким согласным; а также на конце слова после безударных [и] и [ы], подробно см. в [Касаткин].

Эти особенности позиционного поведения <j> в современных говорах и в литературном языке могут указывать на то, что написания с пропуском *и* действительно отражают выпадение или же сильное ослабление звука в соответствующих позициях. В этом случае преобладание таких примеров в документах с более северных территорий рассматриваемой среднерусской области является закономерным.

Литература

Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Касаткин Л.Л. Орфоэпические правила реализации фонемы /j/ в современном русском литературном языке // *Russian Linguistics*. Vol. 33. № 2. 2009. С. 177-194.

Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М., 2005.

Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.

Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV века. Ч. I и II. СПб., 1903.

Иосифская редакция Часослова

Сухоручкин Андрей Александрович

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

Часослов – богослужебная книга, предназначенная для чтецов и певцов. Она содержит неизменяемые молитвы ежедневных дневных служб (кроме литургии). Древнеславянский Часослов не изучен лингвистически и текстологически. Между тем это важный и ценный источник. Лингвистическое значение Часослова определяется прежде всего тем, что это учебная книга. По Часослову (а также по Псалтыри) в Древней Руси учились читать. Заучивание текстов Часослова наизусть закладывало навыки владения книжной нормой.

Порядок служб в Часослове определялся удобством изучения и практического применения. Он начинался с самых важных церковных служб с наиболее употребительными псалмами: вечерня, часы 3-й, 6-й, 9-й и обедница, утренняя с 1-м часом, павечерня великая, средняя и малая, приложения без молебна, три полунощницы. Во время «книжной справки» 2-й пол. XVII в. службы были расположены на основе астрономических суток: убрана средняя павечерня, молебен с канонем и т.д. Было изменено и содержание, что связано со справой церковного устава.

В рукописной истории Часослова особый интерес представляет редакция памятника, выполненная при патриархе Иосифе (1642–1652 гг.). Сохранилась «кавычная» рукопись Часослова (РГАДА, ф. 381, № 224), которая использовалась при издании Часослова 1652 г. Хотя «кавычным» книгам посвящены важные лингвистические исследования В.Г. Сиромахи [Сиромаха: 15–44], Б.А. Успенского [Сиромаха, Успенский] и др., этот источник не изучался. Между тем он представляет большую ценность. Во-первых, иосифская редакция фиксирует позднюю церковнославянскую норму, существовавшую перед никоновской «книжной справой». И, во-вторых, издание 1652 г. – единственное дониконовское издание Часослова, с которого потом осуществлялись старообрядческие и единоверческие перепечатки [Крылов: 362].

«Книжная справа» патриарха Иосифа (особенно во вторую половину его патриаршества, при боголюбцах) во многом предвосхитила никоновскую реформу (см., напр.: [Каптерев: 51]). При патриархе Иосифе на Московском Печатном дворе издаются отредактированные украинские и белорусские книги. Утверждается грамматический

метод «книжной справки», и в некоторых изданиях встречаются ссылки на греческие источники.

Исправленный текст Часослова отражает те же нормы, что и грамматика Мелетия Смотрицкого в ее московской версии 1648 года. Это, например, существительные в форме Р. ед. (пѣснь стаго *исаїа* пророка > пѣснь стагѡ *исаїи* пророка (л. 12), ср.: *Захарїи* [Грамматика 1648: 101]. Правка в *сер(д)цы* на в *ср(д)це* (л. 80) на первый взгляд не отвечает Грамматике 1648г., ср.: *сердци* [Грамматика 1648: 115], Однако варианты окончания -ѣ и -ы в М. ед. у сущ. С.р. с основой на -ц существовали в старомосковском изводе церковнославянского и перешли оттуда в новославянский извод. Даже в реформированных церковнославянских текстах существительные С.р. с основой на -ц имеют варианты окончания М.ед. -ѣ и -ы. Очевидно, по богословским соображениям было заменено действительное причастие прош. вр. на форму наст. вр. (*сѣдѣ* > *сѣдя*) во фразе об Иисусе Христе по отношению его к Богу Отцу.

Из орфографической правки следует отметить последовательное восстановление ѣ и замену буквы о на ѡ в Р. ед. имен прилагательных и местоимений Муж. р.: *стагѡ* (л. 21, 28), *могѡ* (л.23) и др., ср. то же самое [Грамматика 1648: 141, 186].

Следует отметить также исправление сокращенной формулы *Аллилуйа трижды* на *Аллилуйя, Аллилуйя, Слава Тебе Боже, трижды*. Это исправление «особенно характерно для иосифской справки» [Крылов: 147]. Полная форма сугубой аллилуйи стала необходимой ввиду появления в Московской Руси греческой практики троения аллилуйи, запрещенной Поместным собором 1551 г. («Стоглав», гл. 42).

Анализ лексических разночтений (на всякъ *день* – на всяку *нощь*, (л. 32 об.); в *вечер* – в *нощь* (л. 38 об.)) показывает, что книжные справщики использовали при подготовке издания 1652 г. другие источники. Однако этот вопрос нуждается в отдельном исследовании.

Литература

Грамматика 1648 г. / Подготовка текста Е.А. Кузьминовой. М., 2007.

Кантерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 2003.

Крылов Г., протоиерей. Книжная справа XVII века. Богослужебные Минеи. М., 2009.

Сиромаха В.Г. Книжные справщики Печатного двора 2-й половины XVII в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999.

Сиромаха В.Г., Успенский Б.А. Кавычные книги 50-х гг. XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987.

Некоторые особенности перевода инфинитивных конструкций в Толковом Евангелии от Марка Феофилакта Болгарского (по материалам двух рукописей XVI в.)

Фёдорова Екатерина Викторовна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Славянская традиция перевода греческих инфинитивных конструкций показывает разные способы передачи соответствующих значений греческого субстантивированного инфинитива в зависимости от определенных принципов, которые использовали славянские книжники. Так, древние переводы и редакции демонстрируют принцип свободной передачи, а в поздних текстах будет преобладать калькирование греческого оригинала.

Здесь будут рассмотрены особенности перевода некоторых инфинитивных оборотов в Толковом Евангелии от Марка Феофилакта Болгарского (далее – ТЕ), которое относится к особой редакции евангельского текста – это так называемый «толковый текст», созданный на базе древнего текста со следами преславского влияния [Алексеев]. В связи с этим представляется интересным рассмотреть способы перевода в толковом типе

текста в ряду других редакций, в качестве основных текстов которых используются следующие источники по изданию [Воскресенский]:

1) Галичское четвероевангелие 1144 года, древнейший кириллический список евангелия-тетр, представитель так называемого «древнего текста».

2) Мстиславово Евангелие – Евангелие-апракос, созданное не позднее 1117 года в Новгороде, принадлежит преславской редакции, соответствует второй редакции Воскресенского и названо им основным ее списком.

3) Чудовский список Нового Завета сер. XIV в., соответствует третьей редакции Воскресенского.

4) Константинопольское Евангелие 1383 г. афонской редакции, которое принимается Воскресенским основным списком четвертой (т. е. афонской) редакции евангельского текста.

Для анализа перевода ТЕ привлечены два списка: ф. 304/I, РГБ №109, XVI в. (далее – ТСЛ 109), второй список ф. 304/I, РГБ № 108, XVI в. (далее – ТСЛ 108). Между этими списками имеются текстологические различия, установление характера которых входит в область задач данной работы.

1. Конструкция $\mu\epsilon\tau\alpha + \text{inf.}$, выражающая значение предшествования события, в основном тексте встречается дважды, и оба раза она переводится инфинитивом в ТСЛ 109 и $\text{p}\alpha\epsilon\sigma$. в ТСЛ 108. Такие расхождения обусловлены совпадением чтения последнего источника с чтением афонской редакции. В переводе толкований ТСЛ 109 и ТСЛ 108 совпадают, используя инфинитивную конструкцию в трех случаях из пяти. Два раза в обоих списках используется отглагольное сущ.

2. Конструкция $\mu\epsilon\tau\alpha \tau\omicron + \text{inf.}$, выражающая отношения следования, в ТСЛ 109 и в основном тексте Евангелия, и в толкованиях всегда переводится отглагольным сущ. с предлогом. Такая же ситуация наблюдается во всех списках Чуд. редакции [Пентковская: 208]; такой перевод характерен и для древних редакций. ТСЛ 108 унифицирует этот принцип только в толкованиях, а в библейском тексте демонстрирует правку по афонскому тексту, используя в Мр. 14:28 конструкцию *потомъ егда + inf.*, так что именно данные ТСЛ 109 следует рассматривать как отражающие аутентичные чтения.

3. Перевод конструкции $\epsilon\nu \tau\omega + \text{inf.}$ (+ Acc.), выражающей отношения одновременности, в основном тексте ТЕ по ТСЛ 108 полностью совпадает с вариантами перевода в древнем и афонском тексте. Так, один раз встречается конструкция с дат. самостоятельным; в другом случае стоит придаточное предложение с личной формой глагола, которое вводится союзом *егда*. Вариант ТСЛ 109 в данном стихе не совпадает с чтением других редакций – здесь стоит инфинитивная конструкция. Такой же перевод встречается и в Чуд. редакции, но там это единичные случаи [Пентковская: 218]. В толкованиях унифицирован именно такой способ перевода.

4. Целевая конструкция $\epsilon\iota\varsigma \tau\omicron + \text{inf.}$ может передаваться да-конструкцией, одиночным инфинитивом, буквальным калькированием *въ еже + inf.*, а также отглагольным сущ., однако, как отмечается исследователями, перевод сущ. с предлогом не распространен в славянских переводах [Афанасьева: 105].

В ТЕ на основной библейский текст приходится одна конструкция $\epsilon\iota\varsigma \tau\omicron + \text{inf.}$, которая передается да-конструкцией + $\text{p}\alpha\epsilon\sigma$. В толкованиях дважды используется другой традиционный способ перевода – одиночный инфинитив. Но наряду с этим средством передачи в толкованиях наблюдается два случая номинализации. Такой перевод встречается в Чуд. редакции Апостола, но там ведущим способом передачи является буквальное калькирование *въ еже + inf.* [Пентковская: 265].

Таким образом, перевод инфинитивных конструкций в толкованиях отличается от перевода в основном тексте. Для восстановления чтений архетипа перевода большее значение имеют толкования, так как основной текст был подвержен правке по богослужебным редакциям Евангелия, а толкования практически не редактировались. Из двух рассмотренных списков – ТСЛ 109 и ТСЛ 108 – первый лучше сохраняет чтения

архетипа в основном тексте, а второй отражает правку по афонской редакции Евангелия. Основными способами перевода инфинитивных конструкций в ТЕ от Марка являются инфинитив и отглагольное сущ. с предлогом. Считается, что второй способ был мало распространен уже в древности, а в правленных редакциях XIV в. он практически не встречается [Афанасьева: 105]. Тем большее значение для изучения переводческой техники имеют выявленные случаи номинализации инфинитивных конструкций в первом переводе ТЕ.

Примечательно, что практически никогда (за исключением одного случая – Мр. 13: 22) выбор ТЕ не совпадает с Чуд. Следовательно, при переводе субстантивированного инфинитива составитель Чуд. редакции не ориентировался на первый перевод ТЕ.

Литература

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Афанасьева Т.И. Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII-XV вв.: текстология и язык. СПб, 2004.

Воскресенский Г.А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двадцати рукописям Евангелия XI-XVI вв. М., 1896.

Пентковская Т.В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке. М., 2009.